

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/45-66

Научная статья

© Е. П. Желамская

**БАЗА, ДЕРЕВНЯ, ПРИРОДА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ О ПОСЕЛКЕ ГОРОДСКОГО ТИПА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.**

Статья посвящена исследованию статуса поселка городского типа (ПГТ) второй половины XX — начала XXI в., а именно анализу представлений о сельском и городском, о границе сельского и городского в восприятии современных жителей южной части Архангельской области. При помощи концептов «первого», «второго» и «не-места» (по М. Оже), была предпринята попытка исследования с этнографической точки зрения советского проекта по преобразованию сельского поселения в город. На основе полевого материала и анализа газетных статей автор показывает, что официальный взгляд на ПГТ как на современный, городской населенный пункт не совпадает с мнением жителей, участвовавших в реализации этого проекта. Отношение к поселку, созданному преимущественно переселенцами из сельской среды, на протяжении времени менялось от восприятия его как рабочего места в лесу к попытке создания жилого пространства на основе деревенского опыта. Далее оценка поселка вновь трансформировалась, он стал видеться как территория, не до конца преобразованная в городской район и, наконец, еще позднее как перевалочный пункт по дороге из деревни в настоящий город и наоборот.

Ключевые слова: поселок городского типа, сельское, городское, Русский Север, «первое место», «второе место», «не-место»

Ссылка при цитировании: Желамская Е. П. База, деревня, природа: трансформация представления местных жителей о поселке городского типа во второй половине XX — начале XXI в. // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 45–66.

Желамская Елена Петровна — соискатель, кафедра этнологии исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, стр. 4); старший научный редактор, редакция этнологии и антропологии, Национальный научно-образовательный центр «Большая российская энциклопедия» (Российская Федерация, 109028 Москва, Покровский бульвар, д. 8, стр. 1А). Эл. почта: elenazhelamskaya@yandex.ru

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/45-66

Original article

© *Elena Zhelamskaya*

**BASE, VILLAGE, NATURE:
TRANSFORMATION OF THE LOCAL IMAGE OF AN
URBAN-TYPE SETTLEMENT IN THE SECOND HALF
OF THE 20TH — EARLY 21TH CENTURIES**

The article is devoted to the study of the urban-type settlement status in the second half of the 20th — beginning of the 21st centuries, specifically, to the analysis of ideas about rural and urban and the boundaries between rural and urban as seen by modern residents of the southern part of the Arkhangelsk region. This paper studies from an ethnographic point of view the Soviet project of transformation of a rural settlement into an urban one using the concepts of “first”, “second” places and “non-places” (following M. Augé). Based on field material and newspaper articles, the author shows that the official vision of the urban-type settlement as a modern urban settlement does not coincide with how the residents, who took part in the implementation of this project, see it. The first settlers came from rural areas and their vision of the urban-type settlement had been changing from a workplace in the forest to an attempt to organize a living space based on the village experience. Then it started to be perceived as a territory, which has not been fully urbanized, and, finally, as a transit point on the way from the village to real cities and vice versa.

Keywords: *urban-type settlement, rural, urban, Russian North, “first place”, “second place”, “non-place”*

Author Info: **Zhelamskaya, Elena P.** — Candidate for the academic degree, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Senior Scientific Editor, Editorial Office of Ethnology and Anthropology, National Scientific and Educational Centre “Great Russian Encyclopedia” (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenazhelamskaya@yandex.ru

For citation: Zhelamskaya, E. P. 2024. *Base, Village, Nature: Transformation of the Local Image of an Urban-type Settlement in the Second Half of the 20th — Early 21st Centuries. Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii) 2: 45–66.*

Настоящая статья посвящена анализу представлений о сельском и городском, о границе сельского и городского в восприятии современных жителей южной части Архангельской области. На примере поселка городского типа Сосновка (название изменено — *Е. Ж.*) я продемонстрирую, что понятия «сельское» и «городское» — это не набор объективных характеристик (процент жителей, занятых в промышленном производстве, наличие определенного типа инфраструктуры, общественных мест, памятников и т. д.), а определенные социальные практики и представления о принадлежности их к тому или иному социальному конструкту. В данном случае Сосновка, созданная как промышленный центр, застраиваемый многоэтажными домами на про-

тяжении многих десятилетий, воспринималась местными жителями как «деревня». При этом в газетных публикациях она с момента образования до получения статуса поселка городского типа, да и после этого позиционировалась именно как промышленный рабочий поселок, изначально обладающий рядом элементов городской инфраструктуры. Мое исследование, с одной стороны, может быть сопоставлено с изучением перформативности в антропологии (Ссорин-Чайков 2012), поскольку статус ПГТ по-разному утверждается в нарративах местных жителей и газетных публикациях. С другой стороны, историческая смена статусов поселка — «база», «деревня», «природа», проявляющаяся в нарративах жителей, демонстрируют «социальную жизнь» (Appadurai 1988) понятий городское и сельское на Русском Севере.

Поселки городского типа (далее ПГТ) в современной России имеют статус городского поселения. По своей сути это сравнительно молодая структурная единица и не имеющая аналогов за пределами стран социалистического лагеря. Этот тип поселения был создан в СССР в 1924 г. согласно декрету ВЦИКа и СНК РСФСР «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» (позднее корректировался и дополнялся различными законодательными актами¹). Изначально в категорию «городские поселения» входили дачные, рабочие и курортные поселки. Среди обязательных условий для создания любого городского поселения выделялись правило, согласно которому сельское хозяйство должно было являться основным занятием не более чем для четверти населения (с 1957 г. 15%), также важна была близость населенного пункта к железной дороге или другим удобным пунктам сообщения (Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1924). ПГТ формировались из крупных сельских поселений и представляли собой временную переходную форму от села к городу. Понималось, что имеющиеся и создаваемые поселки со временем в результате своего промышленного развития и роста преобразуются в города. К 1950-м годам развилась тенденция создания городских поселений на «пустом месте». Несмотря на свое двойственное положение (по одним признакам ПГТ относятся к городским населенным пунктам, по другим — тяготеют к селам), многие такие поселения успешно развивались в советский период. Со временем часть их действительно стала городами, другие — наоборот, сельскими поселениями, третьи же сохранились до настоящего времени и занимают особое место в структуре современного административно-территориального деления страны.

Несмотря на то, что ПГТ является своеобразной формой поселения и любопытной с точки зрения реформирования административно-территориальной структуры государства в целях улучшения экономического развития, как объект научных исследований он встречается редко. Большая часть имеющихся публикаций относится к направлению экономической географии. В них рассматриваются и анализируются преимущественно административно-территориальные преобразования, демографические процессы, пути социально-экономического развития как в XX в., так и в современный период (Симагин 2009а; Симагин 2009б; Чучкалов, Алексеев 2019; Самбурова, Алексеев 2023). Этнографических трудов можно встретить буквально единицы (Димке, Корюхина 2013; Tutorskiy 2017; Карасева 2018; Стась 2022; Sokolova 2023). Возможно, столь редкий интерес этнографов к ПГТ можно объяснить тем, что он рассматривался учеными как незавершенная форма городского поселения, мало от него отличающаяся.

¹ См.: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1926, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 1957.

Объектом моего исследования стал поселок Сосновка в Архангельской области, где я проводила полевую работу в 2014 и 2021 гг., изучая его историю глазами жителей разных поколений. Важно уточнить, что Сосновка — это пример городского поселения, который возник на «пустом месте», а не был преобразован из находившегося здесь сельского поселения. Это следует подчеркнуть, поскольку никакой преемственности в отнесении поселка к деревенскому типу поселений у его жителей и жителей соседних деревень нет и не может быть. По этическим соображениям название поселка, конкретные сведения об истории его развития, личные данные информантов в статье изменены, либо даны без уточняющей информации.

Мои рассуждения и выводы построены на результатах анализа трех типов источников. Во-первых, это интервью жителей Сосновки, проводившиеся в 2014 и 2021 гг. Материалы собирались в рамках Северной этнографической экспедиций кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова (*Туторский* 2010) методом биографических неструктурированных интервью, построенных вокруг истории поселка и современной деятельности его жителей. Во-вторых, это газетные публикации по истории ПГТ, в которых отражены этапы развития поселка, его успехи и трудности, значимые события. Данный тип источников преимущественно отражает официальный взгляд на события, а также перформативные утверждения, в которых ПГТ выступает именно как современный, городской населенный пункт. Вместе с тем, публикации также содержат «голоса местных жителей», поскольку в ряде из них встречается критика в адрес властей, недостаточно эффективно реализующих те или иные проекты (например, развитие автобусного сообщения между Сосновкой и соседними селами), а также описания поселка, в которых проскальзывает «негородское» видение авторов повседневной жизни ПГТ. Наконец, третьим источником информации стал Интернет-опрос, проведенный методом анкетирования, рассчитанный на посетителей сообществ Сосновки в сети «ВКонтакте» и «Одноклассники». Было собрано 22 анкеты, которые продемонстрировали, в частности, отношение к ПГТ его бывших жителей, находящихся на момент проведения опроса в крупных городах (Архангельск, Вологда, Санкт-Петербург и Москва).

Относительная «молодость» поселка позволила мне пообщаться со старожилками, которые помнят, как поселок создавался, что позволило проследить эволюцию и разнообразие представлений с самого начала возникновения поселка до настоящего времени. Сразу же стоит коротко охарактеризовать состав населения Сосновки. Прежде всего, это переселенцы из соседних и ранее существовавших на территории вокруг будущей Сосновки деревень и их потомки. В эту категорию входят люди, которые часть своей жизни прожили в ПГТ, а также те, кто уезжал из него в разные периоды по определенным причинам, впоследствии вернулся в поселок на постоянное место жительства или периодически приезжает сюда в отпуск, навестить родственников и т. д.

Важно отметить, что довольно сложно среди жителей поселка найти уроженцев, которые никогда не выезжали из Сосновки на длительное время. Среди старожилков преобладают именно переселенцы из близлежащих или бывших деревень, которые сами себя называют «местными». На раннем этапе создания и развития поселка отдельно выделялись «вербованные» — люди, приехавшие по контракту из других регионов СССР. Также в это понятие жители поселка из окрестных деревень часто включают всех приезжих. Есть среди них и бывшие заключенные ГУЛАГа, вернувшиеся после амнистии из мест заключения (в первую очередь из Воркутинских ла-

герей), боявшиеся возвращаться на родину и пытавшиеся устроить свою жизнь на новом месте. Некоторые «вербованные» переезжали из Сосновки в другие города через два–три года, другие, прожив в поселке 10–15 лет устремлялись на родину, третьи переселялись в более крупные населенные пункты по соседству (Шенкурск, Вологда, Ярославль), наконец, четвертые остались в ПГТ и со временем слились с местными жителями. Жители ПГТ, происходящие из окрестных деревень, по-прежнему четко разделяют себя и вербованных по фамилиям, отличающимся от местных. Таким образом, на протяжении всей истории своего существования Сосновка по выражению «местных» была «проходным двором» (ПМА 2014, Муж., 1946 г. р.). В начале XXI в. к нестабильности состава жителей добавилась маятниковая миграция: некоторые жители официально зарегистрированы по месту жительства в соседних селах или деревнях, но регулярно приезжают на работы в Сосновку, поскольку трудоустроены там. Они составляют значительную часть дневного населения ПГТ.

Методологически мое исследование опирается на две работы, которые посвящены изучению современного городского пространства, особенностям восприятия пространства людьми: речь идет о книгах Р. Ольденбурга «Третье место» и М. Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» (Ольденбург 2014; Оже 2017).

Концепция «третьего места», разработанная американским социологом Рэем Ольденбургом, в настоящее время пользуется популярностью среди антропологов и урбанистов. Хотя его концепция создавалась для изучения роли третьих мест в формировании гражданского общества, сама схема разделения пространства городского жителя на три сферы, обладающих отдельными функциями и наделенных определенными смыслами, может быть применена в нашей работе. Под «первым местом» он понимает дом, где человек живет. Под «вторым местом» — работу, на которой человек проводит значительную часть своего времени. К категории «третьего места» относятся неформальные общественные места для встреч вне рамок дома и работы (кафе, клубы, библиотеки, парки и т. д.), наличие которых является одной из важнейших особенностей больших городов.

По мнению исследователя, сбалансированное сочетание этих трех мест — есть залог приятной и полноценной жизни. Р. Ольденбург пишет, что изначально первое и второе места были слиты воедино, но индустриализация разделила их. Она изъела производительный труд из бытовой и семейной сферы, поместила в отдельное пространство, т. е. отделила место работы от места проживания. Первое и второе места пошли разными путями развития и превратились в автономные миры. Схема Ольденбурга показывает, что развитие города движется в направлении от неразделенного бытия первого и второго мест к параллельному их сосуществованию, а затем к развитию общественных пространств — третьих мест, которые и составляют суть городской жизни (Ольденбург 2014: 58).

В нарративах жителей Сосновки и в газетных публикациях содержатся высказывания, которые позволяют характеризовать весь поселок как «второе место» (например, «выкатная база»). В соответствии с высказываниями моих респондентов я буду применять понятия «второе место» и «первое место» к поселку в целом, что не характерно для теоретических построений Ольденбурга. Вместе с тем, именно такие перформативные утверждения (например, о том, что поселок — это «база») позволяют, с одной стороны, проследить эволюцию представлений о поселке, а с другой — соответствовать советской идеологии в сфере отдыха, поскольку места

отдыха в советское время часто были не общественными, а ведомственными. Например, Н. Н. Чебоксаров в статье о рабочих Трехгорной мануфактуры описывает рекреационные зоны, созданные на ее территории и недоступные для не-работников предприятия (*Чебоксаров 1950*).

Второй важной отправной точкой для настоящего исследования стала концепция французского антрополога Марка Оже. Изучая городские и околгородские пространства, он также выделяет особые локации, называя их «не-местами». Под «не-местом» исследователь понимает «пространство, не определяемое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю» (*Оже 2017: 36*). Сюда он относит пункты временного пребывания и промежуточного времяпрепровождения, где развивается транспортная сеть, где создаются обитаемые в той или иной форме человеком пространства. Они не имеют символического значения, но в них происходит движение. Не-места не обладают характерными отличительными чертами, они не создают единую общую временную идентичность. Типичным примером «не-места», согласно концепции Оже, является международный аэропорт или супермаркет: хотя люди проводят здесь значительную часть времени (при перелетах или покупке вещей), эти места не становятся значимыми для человека, оказываются на периферии смыслов, эмоциональных привязанностей.

Важной особенностью не-мест является то, что они не существуют в чистом виде. Как пишет Оже, «возможность не-места всегда присутствует в любом месте» (*Оже 2017: 47*). Таким образом, возможно применять концепцию «не-места» по отношению к поселению в целом, несмотря на то, что сам Оже в своей работе таких примеров не приводит. Однако в настоящей статье я продемонстрирую, что ПГТ для жителей с сильной деревенской идентичностью оказывается перевалочным пунктом на пути из деревни в крупный городской центр и, по сути, обретает значение «не-места».

Суммируя сказанное выше, подходы Р. Ольденбурга и М. Оже к описанию городских пространств видятся уместными при изучении поселка городского типа, поскольку они позволяют раскрыть те смыслы, которыми местные жители наделяют ПГТ Сосновка.

Статья построена на изложении воспоминаний жителей о четырех периодах истории ПГТ: 1) 1950-е гг., когда Сосновка не имела даже статуса поселения, 2) 1960-е гг., когда началось активное строительство и увеличение численности населения, 3) 1970-е–1980-е гг. — время создания городской инфраструктуры (дорог, магазинов, перевода административных учреждений) и 4) 2000-е–2010-е гг. — постперестроечная эпоха, когда значительное количество жителей уехало в другие города. Из моей хронологии выпадают 1990-е гг., потому что именно в эти годы ПГТ покинула большая часть жителей, не связанных с окрестными деревнями своим происхождением, кроме того, 1990-е годы были временем, когда жизнь в ПГТ стала особенно сложной, поэтому многие работали на предприятиях ПГТ, а лето проводили в деревнях, занимаясь сельским хозяйством. В этот период граница между Сосновкой и соседними деревнями в значительной степени размылась.

1950-е: «База». Второе место

Сосновка была образована в 1951 г. на берегу реки в 5 километрах от железнодорожной станции. Возникновение поселка обусловлено строительством лесопе-

ревалочной базы (Летопись 2016). Данный регион богат строительной древесиной, поэтому основным видом промышленной деятельности здесь в советское время являлись лесозаготовки и деревообработка, что сохраняется и в настоящее время. Еще в середине XX в. вырубленный лес из глухих участков тайги доставлялся к транспортным узлам молевым сплавом. Под молевым сплавом понимается способ транспортировки древесины при помощи течения реки без применения дополнительных технических средств: на протяжении осени, зимы и весны лесозаготовители складывали бревна на берегах рек в бунты, а затем во время половодья скатывали их в воду. Течение уносило дерево вниз по реке, в низовьях которой устраивалась «запань» — тросовое заграждение, собиравшее свободно плывущие бревна. Главным недостатком молевого сплава были значительные потери древесины: деревья, находившиеся в воде более трех недель, тонули и не доплывали до места выкатки.

Именно для снижения потерь древесины была задумана Сосновская выкатная база, которая расположилась на реке в непосредственной близости от железной дороги, где оказалось удобно производить выем бревен из воды. Здесь лес при помощи техники подтаскивали к железнодорожной ветке, грузили в вагоны и отправляли в пункт назначения.

Официальной датой основания поселка считается 1951 г., но соответствующий законодательный акт о создании лесоперевалочной базы датируется 1947 г. В период с 1947 по 1950 г. проводились работы по поиску подходящего участка для строительства лесобазы. В 1950 г. было утверждено решение о выделении земли под ее строительство, жил-поселка при ней и железнодорожной ветки от лесобазы до станции (Летопись 2016). При этом не понятно, какой характер поселка подразумевался: временный или постоянный. В 1951 г. началось возведение первых жилых сооружений, и в этом же году было принято решение образовать поселок (но рабочим официально он еще не являлся).

Из документов о создании поселка следует, что изначально он не задумывался как городское поселение и населенный пункт в принципе. Речь шла о создании первичного звена промышленного предприятия, вокруг которого уже впоследствии было принято решение создать поселение.

Население поселка Сосновка во многом формировалось путем переселения сюда жителей окрестных сельских населенных пунктов. Для первых волн переселенцев были отстроены многоквартирные дома щитовой конструкции, которые местные называли «финскими домиками» (т. к. это был финский проект быстровозводимого жилья). Затем к ним добавились многоквартирные одноэтажные дома, рассчитанные на 4 семьи. В народе эти дома получили название «четвертушки». И новый поселок, и лесобаза, согласно официальным данным и воспоминаниям жителей, развивались быстро: возводились строения жилого, производственного и социально-бытового назначения, шел рост численности населения. В 1957 г. в поселке появился Домостроительный комбинат, который ускорил возведение жилых зданий, а также ремонтно-строительная база. Все эти процессы — заселение поселка, развитие лесобазы, создание новых деревообрабатывающих и строительных предприятий, появление инфраструктуры — были настолько стремительными и тесно взаимосвязанными, что в уже 1958 г. Сосновка получила статус рабочего поселка (Летопись 2016).

Заметки из местной газеты в период с 1951 по 1958 г. сообщают нам о том, что в рамках официального газетного дискурса советского времени имелось представле-

ние, что выкатная база должна была стать не просто отдаленной рабочей площадкой леспромхоза, а именно городом с развитым промышленным сектором. Например, в одном из выпусков можно прочитать следующее:

Будущий город растет на глазах жителей поселка Сосновка (название изменено — Е. Ж.). Все здесь говорит об этом: и дымящие трубы лесопильного завода и цеха, где изготавливаются стандартные домики для славных тружеников целины, и прямая как стрела улица Советская, и стройные красивые сосны, оставшиеся несрубленными от бывших здесь лесов. Пять лет назад здесь ничего этого не было. В скором времени будущая смена строителей поселка увидит настоящий город, они будут ходить по стройным его проспектам и улицам. Зелень парков будет шуметь над головками маленьких жителей будущего города (Районная газета 1956).

В этом описании важно подчеркнуть очевидность взгляда журналиста из большого города. В первую очередь его выдает эстетизация «красивых сосен», которые по мнению автора заметки, придавали будущему лесному городу особый колорит. Как будет показано ниже, для жителей Сосновки из окрестных деревень именно наличие «леса» говорило о том, что они живут не в городе, а где-то в глухом месте. Также взгляд журналиста отражает общесоветскую перспективу с «домиками для тружеников целины», а также совершенно не характерное для местного старожильческого населения представление о «сменах» жителей поселка. Для автора статьи — возможный факт, что основали поселок одни люди (одна смена), а через несколько лет там будут строить и жить совершенно другие люди (будущая смена), полностью противоречил идеям коренных жителей Архангельской области о том, как формируются жилые пространства.

В рассказах местных жителей представление о будущем городе, равно как и о городе созданном, практически отсутствует. «Городская тема» встречается в интервью в тех редких случаях, когда информанты сообщали о перспективах в 1970-х годах получения Сосновкой статуса города. Это желание было настолько сильным и кажущимся достижимым, что будущему городу даже придумали название. Тем не менее, этого не произошло, и поселок сохранил статус ПГТ. В интервью 2021 г. эти разговоры о городском статусе вызывают лишь смутные воспоминания, а сама идея уже не кажется столь значимой.

Было какое-то такое дуновение (по поводу получения статуса города — Е. Ж.), но быстро прошло. Я даже не помню, откуда эта идея была, и как-то быстро прошла (ПМА 2021, Жен., 1950 г. р.).

Курсу на развитие поселка по пути города соответствовала и скорость, с которой он рос, и интенсивность строительства новых предприятий и организаций для жизнеобеспечения населения. Если в 1951–1958-е гг. детские сады, школы, больницы, клубы и др. открывались в штучном количестве с расчетом на небольшое количество первых переселенцев, то уже после 1958 г. стала ясной необходимость число этих учреждений увеличить, что влекло за собой создание дополнительных рабочих мест. Схожие процессы происходили и в промышленно-производственной сфере: открывались новые цеха лесобазы, строительные организации.

Днем и ночью подходят к этой платформе составы. Быстро закончив погрузку, они отправляются в далекий путь. К лесорубам области, к

угольщикам Воркуты, к новоселам целинных земель идут эти составы. Там, далеко, люди радостно встретят их. Пройдет всего лишь несколько дней, и десятки небольших удобных четырехквартирных домов составят новые улицы, поселки (Районная газета 1957).

В официальных газетных публикациях отчетливо ощущался тезис о том, что поселок Сосновка — часть огромной страны, на благо которой трудятся его жители. Связующей нитью являлся факт наличия в поселке процветающего промышленного производства, плодами которого пользовались в разных уголках Родины.

Отношение же к поселку местного населения было несколько иным. Это можно увидеть в использовании обиходного понятия «база» для его обозначения. Так его называли как постоянные жители поселка, так и жители близлежащих сел и деревень, трудоустроенные в поселке. Сосновка воспринималось в первую очередь как место, где сосредоточено производство, где располагаются рабочие площади, а не жилое пространство.

У меня тетки были здесь. Мы часто в гости ездили к ним, поэтому я говорила, что «база», «Мы на базу поехали», «На базе там тетки в гости ждут» (ПМА 2021, Жен., 1950 г. р.)

Изначально под «базой» подразумевалась только сама выкатная база, но в 1960-е вместе с ростом поселка это понятие распространилось на весь населенный пункт. Наличие промышленного предприятия привлекало сюда людей из окрестных деревень и сел, но не все из них переезжали в поселок для постоянного проживания. Некоторые продолжали жить на прежних местах, а в Сосновку ездили только на работу. Таким образом, отдельной группой работников градообразующего предприятия являлись сельские жители, которые имели к поселку только одну привязку — в виде трудовой занятости (если не считать родственные связи). Примечательно, что эти люди могли принимать участие в строительстве домов на территории поселка, в создании инфраструктуры, проведении водопровода и канализации, в создании мебельных изделий, т. е. улучшении поселкового быта, но при этом они не стремились туда переехать. Они не воспринимали Сосновку как место, где можно не только работать, но и жить.

Термин «база» и тот смысл, который в него закладывали жители поселка, еще раз указывает на то, что Сосновка долгое время осмыслялась местным населением преимущественно как предприятие и производственное пространство — «второе место» по Р. Ольденбургу. При том, что довольно быстро для многих она стала так же и местом жительства, то есть «первым местом». Именно с создания «второго места» начала свое существование Сосновка, что не укладывается в предложенную Ольденбургом схему построения городского пространства от «первого места» ко «второму». При этом в газетных публикациях присутствует совершенно иное видение: стремительное развитие поселка (а не базы) в сторону настоящего города. Несмотря на то, что некоторые опрошенные жители разделяли воодушевление газетных статей, тем не менее, в повседневной жизни сомнения в городском характере поселка Сосновка преобладали.

1960-е: Деревня. От второго места к «не-городу»

Если подробнее ознакомиться с историей поселка, то сложится впечатление, что это был один из примеров социалистического строительства со всеми присущими

ему чертами быстрого и бурного развития. Во многом это было действительно так, поскольку буквально на пустом месте вырос жилой поселок с крупным градообразующим предприятием и рядом сопутствующих производств. Собственно, это отмечают и старожилы, и более поздние поколения. Достижения поселка советского периода являются предметом их гордости.

Однако в то же время проводимое государством строительство воспринималось местным населением не совсем так, как задумывали создатели поселка. Для проектировщиков строительства (людей, которые задумывали организацию базы и преобразование местного пространства) скорость и масштабы процесса уже были доказательством того, что проект имеет «городской» и «модерновый» характер. В одной из публикаций эти идеи вкладываются в прямую речь местного рабочего:

Мы верили и не верили. Что на месте, где рос тогда лес, вырастет новое предприятие и появится рабочий поселок — сомнений не было. Но не могли представить себе, что все произойдет в такой, по сути дела, короткий срок и в таких масштабах (Районная газета 1975).

Однако, те смыслы, которые авторы газетных публикаций вкладывали в быстрое развитие, не понимались или не до конца понимались значительным количеством старожильческого населения. В рассказах об истории города люди отмечали, что уровень жизни в поселке был невысокий, переселение было сопряжено рядом трудностей, особенно на ранних этапах.

Очень показателен пример восприятия финских домиков для местных рабочих. Строительство дома по зарубежной технологии, а первоначально и произведенного за рубежом, должно было расцениваться как факт большого внимания к строительству Сосновки со стороны государства, а также как относительно высокий уровень жизни, который обеспечивался рабочим выкатной базы. Однако с точки зрения местного старожильческого населения предоставляемые бесплатно квартиры были очень маленьких размеров, по сравнению с большими площадями традиционных северных домов. Они казались жителям настолько тесными, что один из информантов в своем интервью назвал финские домики «скворечничками». В данном сопоставлении читаются совершенно иные значения: это и временный характер жилища, а также и некоторая его неполноценность.

Четвертушки также были настолько малы, что их владельцы по возможности старались пристраивать к своим владениям летние веранды, чтобы таким образом компенсировать нехватку жилого пространства. Недостаток площади для хозяйственных нужд решался путем самовольного возведения небольших сооружений, которые принято использовать в деревнях в частных хозяйствах. Это «низовое» движение в газетном дискурсе характеризовали как «беспорядок».

Неплохо обстояло в этом году дело с ремонтом и строительством жилья. Но в поселке царит беспорядок с неплановыми постройками. Сколько Совет ни принимал решений о запрещении и сносе всевозможных сараев и пристроек, многие жители продолжают их строить (Районная газета 1969).

Помимо усовершенствования новых строений местные жители старались вести сельское хозяйство. Администрация поселка не препятствовала этому. Более того, на семью дополнительно выдавался небольшой участок земли, где люди могли заниматься огородничеством.

У нас у всех были небольшие приусадебные участки, где мы выращивали картошечку, лучок, морковочку. Никаких теплиц естественно не было, никаких районированных помидор[ов] в то время. Даже огурцы еще не выращивали, попозже стали. Самое необходимое. Все были наделены участками, скажем, соток по шесть. Да, шесть соток — стандарт. И все они находились в разных частях поселка. И нужно было туда ехать (ПМА 2021, Жен., 1962 г. р.).

Дефицит жилья, а также недовольство его параметрами приводили к тому, что переселяющиеся перевозили дома из родных деревень в поселок. Вокруг этих домов также отводилось пространство для огородничества. Снабжение поселка продовольствием на разных этапах было неравномерным и не всегда достаточным, что способствовало активному пользованию выделяемой земли: люди сажали картошку и овощи ради собственного потребления. Работы на огородах включали практики взаимопомощи, характерные для деревенского социума (Громыко 1991; Архипова, Тютюрский 2013). В частности, в поселок переселялись родственники со своими семьями. Когда наступала пора сельскохозяйственных работ, эти семьи собирались вместе и по очереди обрабатывали все участки. Обработка собранного урожая также часто содержала элементы взаимопомощи, например, было распространено коллективное квашение капусты. Более того, подобные коллективные занятия могли завершаться застольем, на которое приглашались все участники работ, для которого готовили различные яства, где устраивались песнопения.

И обязательно посадка картофеля на этих всех наделах. Мы одному семейству садим, на следующий день или в этот другому, и вот так вот пока всем не посадим. Ну окучивали сами уже. Копка картофеля — это в обязательном порядке. Народные гулянья, ребятишки там, все там, костры жгут, картошку пекут, эти опять с бутылочкой обязательно придут, там бабы, значит, наберут каких-то закусок, кушаний. На мешках все это, весело. На мотоциклах отвозилось, машин практически ни у кого не было. Либо приезжала рабочая машина, забирала всю эту картошку и по домам развозила (ПМА 2021, Жен., 1962 г. р.).

Из приведенных примеров и описаний видно, что с самого начала формирования поселка жизненное пространство создавалось не в соответствии с официально декларируемым статусом поселения. Официальные рамки соблюдались: занятость основного населения приходилась на несельскохозяйственную сферу. Однако материальный и социальный быт люди формировали исходя из имеющегося багажа знаний, жизненного опыта и привычек. Поскольку основу миграционных потоков в Сосновку составляли выходцы из деревень, то именно они и создавали его социальный облик. Отсюда мы видим и стремление иметь жилье как в деревне посредством перемещения деревенских изб в поселок, расширения четвертушек, и переезд несколькими родственными семьями, и поддержание родственных отношений, и продолжение деревенских практик. Во многих воспоминаниях о жизни в поселке содержатся прямые сопоставления с деревней.

Обязательно был и концерт на сцене, и по поселку с гармониями ходили. Целые группы людей ходили по поселку с гармонью, запевали и прочее. Это было как раньше в деревне (подчеркивание мое — Е. Ж.), потому что все-

таки население было местное, лесобаза образовалась то ведь сначала то из местных (ПМА 2014, Муж., 1946 г. р.).

Нет, я бы не считала, что это был город. Деревенский класс был (ПМА 2021, Жен., 1950 г. р.).

И когда переезжаешь из лесопункта в поселок Сосновка. Мы еще тогда переехали в Великое, районный центр был, село Великое. Это тоже не город (ПМА 2021, Жен., 1952 г. р.).

Таким образом, в 1960-е–1970-е гг. Сосновка стала примером поселения, которое создавалось строителями и проектировщиками как городское поселение. Однако местные жители воспринимали его как пространство деревенское. Важно подчеркнуть, что граница между местным дискурсом и официальным государственным могла проходить очень причудливо. С одной стороны, в приведенной выше газетной заметке о быстром росте поселка эти слова вложены в уста местного рядового рабочего. С другой стороны, администрация Сосновки, которая выделяла местным жителям участки для занятия огородничеством, очевидно, тоже происходила из коренных жителей этой территории.

1970-е — 1980-е: природа: «брусничник», «морошка»

Однако даже восприятие Сосновки как деревни не было единственным. Для многих «местных» жителей — Сосновку нельзя было даже назвать полноценной деревней.

Приведу в качестве примера воспоминания жителя поселка, касающиеся 1970-х гг.: *А в клубе на ул. Ленина шли кинофильмы, молодежи собиралось много, устраивали танцы, сдвигая сиденья. Идешь, бывало, по улице — кругом пни торчат, а вокруг — брусничник. Зато весной и осенью не пройти — ни проехать: грязь непролазная, дороги машинами разбиты. Самой необходимой вещью считались сапоги. Машины то и дело застревали. Потом дороги засыпали (когда появился ДСК), проложили плиты. Сейчас везде асфальт, забыли, что такое разбитые дороги. А тогда помог дренаж: вода вся стекала в реку. При планировке верхний слой земли нарушали, от песка деться некуда было: ветер задувает — закрывай окна. Постепенно территорию у домов благоустраивали, завозили землю, озеленяли. <...> Так и жили тогда: строили, на воскресниках убирали мусор, складировали на поддоны кирпич, озеленяли поселок* (Районная газета 2001).

Один из собеседников рассказывал очень схожую историю: *«Выйдешь из дома, а около подъезда — морошка растет»* (ПМА 2014, Муж., 1946 г. р.).

В этих двух описаниях ключевым элементом, требующим комментария, является слова «брусничник» и «морошка». Брусника — это лесная ягода, которая растет на болотах вдали от селений. Описание поселка как места, где растет брусника, однозначно считывается местными жителями как «глухомань», «отдаленное болото». Еще большей глухоманью считаются места, где растет морошка. Согласно местной поговорке «морошка любит ножки», что означает, что для сбора этой ягоды необходимо ходить очень далеко в лес. Соответственно наличие «брусничника» или «морошки» посреди города и у выхода из подъезда обозначало для «местных» жителей в первую очередь, что они находятся не в настоящем поселении, а в дебрях леса.

Наличие развитой инфраструктуры — это один из элементов, который отличает город от сельского поселения. ПГТ как разновидность городского поселения, задуманная как переходная форма на пути к созданию города, казалось бы, тоже должен иметь эту особенность. Однако случай Сосновки рисует совершенно иную картину. В поселке долгое время не было дорог с твердым покрытием, т. е. они были грунтовые. Информанты вспоминают, что на улицах, в т. ч. центральных, было настолько грязно (имеется ввиду в дождливую погоду и межсезонье), что для пешеходов были проложены специальные деревянные мостки. Люди ходили в резиновых сапогах, потому что другую обувь использовать было затруднительно. При входе в дома и общественные учреждения можно было увидеть емкости с водой, которые предназначались для мытья сапог. Такой способ чистки обуви обычно использовался в деревнях.

Я в школу ходил в сапогах, по улице Советской (одна из центральных улиц — Е. Ж.). Потому что болото здесь было. Придем в школу, а там стояло ванн десять, веники в каждой ванне, вода. Все сапоги надо было вбухать. Ванны полны грязи были в конце дня! ... Потом плитами дорогу закрыли, которые производил ДСК. Уже стало хорошо. Потом [улицу] Ленина прикрыли плитами, тоже стало хорошо. А потом асфальтом стали закрывать с середины 70-х годов (ПМА 2014, Муж., 1946 г. р.).

В поселке также в первые годы существования не было регулярного общественного транспорта. Старожилы вспоминают, что люди из окрестных деревень были вынуждены добираться на работу в поселок на подводах и лошадях. Как известно, это основной транспорт в сельской местности.

Любопытно, что долгое время районный центр находился в соседнем с Сосновкой селе. Для решения вопросов, требовавших административного вмешательства, было необходимо ездить туда. Информанты отмечали, что это накладывало ряд трудностей и как следствие приводило к нерациональной трате рабочего времени.

Из поселка ежедневно по служебным и личным делам едет много людей в районный центр. У конторы Сосновской лесобазы (название изменено — Е. Ж.) часто можно видеть большую группу пассажиров в ожидании попутных автомашин. На поездку в с. Великое (название изменено — Е. Ж.) люди теряют много рабочего времени. Хуже того, езда на случайных автомашинах создает большие неудобства для пассажиров и нарушает безопасность движения транспорта. Но руководителей Сосновской лесобазы (название изменено — Е. Ж.), строительного-монтажного управления и районной базы стройиндустрии такое положение мало беспокоит. До сих пор они не могут договориться между собой о выделении и оборудовании специальной автомашины для перевозки пассажиров по маршруту Сосновка-Великое (название изменено — Е. Ж.) (Районная газета 1958).

Официальным газетным отчетам об успехах в деле строительства поселка и развитии обсуживающих население организаций, размещаемых на первых полосах газеты, периодически противоречили небольшие заметки, рассказывающие о существующих в этих сферах проблемах. Среди черт, которыми можно описать характер этих трудностей, выделяются следующие: недостаточность, незавершенность, неудобство, отсутствие, нерешенность вопросов, ощущение вечной невозможности завершить начатое.

В нашем поселке, как и повсюду, ведется строительство жилищных и культурно-бытовых помещений. Только в индивидуальном порядке построено и строится более 150 домов, а поток заявлений на отвод земельных участков все растет. Около ста семей рабочих и служащих справили новоселье в своих домах, многие десятки семей поселились в благоустроенных квартирах двухэтажных жилых домов. Но вместе с тем следует отметить, что строительство и ремонт жилых домов и культурно-бытовых помещений ведется крайне недостаточно.

В 1956–1957 годах было начато строительство кирпичного здания школы на 440 учащихся, но, построив стены до окон первого этажа, строительство было остановлено и до сих пор не производится ввиду отсутствия средств и материалов. Многие сроки сдачи в эксплуатацию типовых детских яслей, хлебопекарни и бани истекли, но население их услугами не пользуется. Пошивочная мастерская промартели <...> размещена в щитовом доме неплохо, но дом стоит на краю поселка, расстояние до противоположного конца поселка два километра, что не удовлетворяет граждан и не всегда становится возможным сделать заказ на пошив, или сходить на примерку. Само помещение и печи требуют ремонта, но ремонтом никто не занимается, а время не ждет. Более года нет мастера по пошиву и ремонту обуви (Районная газета 1958).

Районный центр перенесли в Сосновку из Великого только в 1975 г. (Летопись 2016). Это событие привело к новой волне переселений в поселок (речь в первую очередь о сотрудниках администрации), а также к новому этапу строительства многоквартирных домов. По воспоминаниям информантов, именно в этот период началось перемещение четвертушек и деревянных домов с центральных улиц поселка на окраины. Их место заняли двух и трехэтажные дома с удобствами. В декабре 1986 г. местная газета сообщила, что с центральных улиц были окончательно убраны все дома щитовой конструкции (т. е. спустя 35 лет с момента создания поселка).

Смена эпох в истории страны не принесла каких-либо серьезных изменений в сфере инфраструктуры Сосновки. Особенно показательным представляется вопрос проваленной газификации поселка. В 1990-е годы в регионе осуществлялась программа газификации, в которую по изначальному плану была включена и Сосновка. Однако, когда до поселка оставалось буквально 10–15 км, по каким-то причинам было принято решение изменить направление трубопровода (ПМА 2021, Жен., 1952 г. р.). Таким образом, один из районных центров региона не получил важного элемента современной городской инфраструктуры.

Возвращаясь к вопросу о пути развития Сосновки по образу города, можно сказать, что поселок с инфраструктурной точки зрения так и не стал им. В этом смысле на протяжении всей здешней истории развитие его как «второго места» было приоритетнее, чем совершенствование «первого места». Постоянные проблемы и незавершенные вопросы в инфраструктуризации населенного пункта еще раз подчеркивают эту мысль.

В официальных газетных публикациях успехи строительства доказывались их скоростью и масштабностью. Однако с точки зрения местных жителей масштабность скорее представляла проблему: неустроенные дороги, разбитые большим ко-

личеством грузовиков, отсутствие пассажирского сообщения и толпы желающих уехать в Великое, удаленность пошивочной мастерской от мест проживания людей.

Более того, недостаточность инфраструктуры, удаленность ее объектов вместе с важными для традиционной сельской культуры значениями «срубленных пней», «брусничника» и «морошки» у подъезда многоквартирного дома трансформировали представления людей о Сосновке в сторону затерянного лесного поселка, а не бурно развивающегося городка. Поразительно, что одни и те же образы нетронутой природы («красивые сосны», «брусничник») виделись авторами официальных сводок как положительная особенность поселка, а местными жителями воспринимались как элемент незавершенной обустроенности, недостаточной освоенности жилого пространства, лесного или природного (в смысле нетронутой природы) характера этого поселения.

2000-е. «Не-место»

На рубеже 1990-х — 2000-х годов представление о Сосновке как недообустроенном пространстве постепенно начинает сменяться отношением к нему как к «не-месту». В нарративах жителей всплывают сюжеты, в которых поселок нельзя определить, как некое оформленное пространство, имеющее конкретное содержание. Прежде всего, здесь речь идет о людях, для которых поселок не стал ни постоянным местом жительства, ни местом работы.

Эта особенность поселка прослеживается с самого начала его существования, когда наряду с переселенцами из деревень основное население формировали вербованные. Информанты-старожилы вспоминали, что желающих трудоустроиться на лесобазе и получить жилье было много. Однако в итоге для определенной части представителей этой группы присутствие в ПГТ оказалось временным.

Среди деревенских переселенцев также встречались люди, которые вырвавшись из колхозов, проработав недолгое время на лесобазе, уезжали в города. Они не ставили перед собой цели закрепиться в поселке, обустроить свое жилое пространство, установить социальные связи на новом месте. Поселок для них был промежуточной ступенью при переезде из деревни в «настоящий» город.

Сюда также относится и следующее поколение, те люди, которые родились в поселке, окончили школу, уехали для получения специального образования в город и не вернулись обратно, не увидев в Сосновке желаемого уровня жизни и перспектив для трудовой карьеры. Характерно, что эти люди воспринимают поселок как родину и даже возвращаются сюда уже в пенсионном возрасте, но они по-прежнему видят ПГТ как деревню с соответствующим образом и уровнем жизни. Они не видят прогресса в развитии поселка на протяжении многих лет. Незамеченной в этом смысле Сосновка остается и в историях людей, которые по прошествии времени решили вернуться в свою «родовую деревню».

Важные данные были получены Интернет-анкетированием. На вопросы ответило 22 человека, из которых 16 родились в 1970–1980-е годы. При этом людей, родившихся непосредственно в Сосновке, всего три человека, однако 6 человек родились и переехали из деревни в Сосновку в один и тот же год. В анкете имелось два вопроса о том, с чем ассоциируется Сосновка: открытый «Чем, на Ваш взгляд, могут гордиться жители поселка?» и второй, включавший необходимость выбора между

предложенными вариантами ответа — «С какими воспоминаниями связано Ваше детство в поселке?». Вариантами ответа были: «С поездками в деревню к бабушке», «С играми с друзьями», «С прогулками в лесу», «С посещением кино, дома культуры, игрой в футбол». Примечательно, что 7 опрошенных выбрали вариант «С поездками в деревню к бабушке», 8 человек — вариант «С прогулками в лесу». Вариант с городскими видами времяпрепровождения — «С посещением кино, дома культуры и игрой в футбол выбрали» только 5 человек. Также в комментарии к вопросу три человека написали, что более правильно сделать множественный выбор, предложив варианты: «И с поездкой к бабушке, и с прогулками в лесу», а один человек «С прогулками в лесу и игрой в футбол» (Интернет-опрос 2021). Таким образом, городские виды времяпрепровождения выбрали менее трети опрошенных, а почти половина ассоциирует Сосновку с поездками в деревню. Перед нами очевидное представление о Сосновке как «не-месте», поскольку в воспоминаниях людей детство в ПГТ приравнено к поездкам в деревню, которая, строго говоря, ПГТ вовсе не является.

Схожие ответы были получены на вопрос о том, чем могут гордиться современные жители Сосновки (ответили 18 человек). 10 человек ответили — «природой», в сочетании с другими важными вещами: например, «природой и веселым нравом жителей», «природой и ветеранами ВОВ». Остальные ответы включали «Стабильностью», «Транспортной доступностью», «Относительно хорошими зарплатами» и др. Вновь, как и в ответе на предыдущий вопрос, и как в воспоминаниях жителей, приведенных в предыдущем разделе, на первый план, выходит природа, а сама жизнь в поселке оказывается второстепенной (Интернет-опрос 2021). Ответы, не упоминающие природу, также могут быть включены в представление о Сосновке как «не-месте». Наиболее точное соответствие идеям М. Оже представляет ответ «Транспортной доступностью», поскольку ПГТ выступает в нем не как самостоятельное пространство, а как часть транспортной инфраструктуры, которая связывает его как с соседними деревнями, так и с крупными городскими центрами.

Приведу два показательных примера из полевых наблюдений, также демонстрирующих, что Сосновка оказывается своеобразным «не-местом». В ходе исследований я брала интервью у местного краеведа, который родился в одной из деревень на расстоянии 40 км от ПГТ, переехал в Сосновку в 16 лет, когда поступил в техникум, и затем всю жизнь проработал на Лесокомбинате. На пенсии он составляет краеведческое описание своей родной деревни, которое включает ее историю, родословные старожильческих семей, биографии ветеранов ВОВ, родившихся в деревне, а также сведения об угасании поселения в эпоху Перестройки. На вопрос, почему он не хочет написать книгу по истории Сосновки, где он прожил большую часть жизни (почти 60 лет), он ответил: «Да я и не знаю, о чем здесь писать...» (ПМА 2014, Муж., 1946 г. р.). Этот ответ и сама структура работы о деревне показывает, что у него есть достаточно четкое представление о значимых вещах с точки зрения истории и краеведения: старинные фамилии, названия исчезнувших деревень, истории ветеранов. Все эти темы невозможно описать применительно к Сосновке: с ней не связаны старожильческие фамилии, в ней не родились участники ВОВ. Такой исторический, многопоколенный подход к истории, характерный для северных деревень, делает Сосновку «не-местом» с точки зрения краеведческого описания.

Другой пример связан с тем, что одна из опрошенных работниц местного Дома культуры вспомнила, что в 1980-е гг. там репетировал ВИА «Птица» (название изме-

нено — Е. Ж.) После этого я не раз в интервью задавала вопрос о ВИА и получала следующие ответы: «А точно! Был же у нас ВИА, они на школьных концертах играли!» (ПМА 2021, Жен., 1976 г. р.) или «Ой! Как же я забыла. Да, выступали они и в ДК, и по деревням, и лесопунктам района ездили» (ПМА 2021, Жен., 1962 г. р.). Иными словами, вокально-инструментальный ансамбль, который без сомнений может считаться урбанистическим элементом истории и культуры Сосновки, с одной стороны, известен всем, а с другой не вписывается в общую логику представлений о ПГТ, как о «глухомани» и «не-месте». Прямой вопрос на эту тему вызывал удивление и признание факта, что поселок можно ассоциировать не только с природой, железнодорожной инфраструктурой и соседними родовыми деревнями.

Итак, среди мнений жителей поселка о 2020-х гг. можно встретить отношение к нему как к некому пустому/неорганизованному пространству. Они часто отмечают, что современный поселок не всегда имеет ухоженный вид (например, есть дома в аварийном состоянии, создаются нелегальные свалки), что жители плохо организуют свою жизнь и пространство вокруг себя (например, если что-то сломалось, ждут, когда кто-то другой это починит). Эти оценки часто даются в противопоставлении жизни в ПГТ более организованному быту в сельской местности («в деревне как-то порядка больше»). С точки зрения исторической памяти (работы краеведов) и актуальности воспоминаний о жизни ПГТ в 1970–1980-е гг. деревня также выступает как общее историческое прошлое, в то время как история самого ПГТ оказывается невидимой вообще (при написании краеведческих работ), хотя и внезапно обретаемой, как в случае вопросов о вокально-инструментальном ансамбле.

Заключение

Анализируя собранный в ходе исследования материал, можно сказать, что Сосновка как ПГТ представляет собой особый тип поселений, промежуточный между селом и городом, но, как показывают этнографические материалы, не находящийся непосредственно на пути преобразования первого во второе. Сосновке присущи черты индустриального типа производства и сельского быта (особенно на ранних этапах). ПГТ — это государственный проект по преобразованию поселения в город, но история Сосновки показывает, что государство спускало сверху модель этого преобразования, а жители на месте внешне реализовывали ее согласно предписаниям, но осмыслили и закладывали внутреннее содержание исходя из своих соображений, основанных преимущественно на деревенском опыте жизни.

Перед нами четыре этапа развития ПГТ Сосновка, которые значительно отличаются между собой в вопросе символического наполнения пространства населенного пункта. При этом официальный дискурс, представленный газетными публикациями, остается стабильным и отражает позицию, характерную для многих других нарративов советского времени. Сосновка должна была стать одним из северных рабочих поселков, быстро растущих, имеющих современную инфраструктуру. Газетные публикации наполнены констатациями того, что на «пустом месте» стремительно возводится город нового типа. Импортные финские щитовые домики, появление многоэтажек, распространение городской инфраструктуры в виде асфальтированных дорог и пошивочных мастерских должны были доказывать правильность именно такого видения развития поселка. Это видение повторяет широко известные

строки из стихотворения В. Маяковского 1929 г. «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»: «Через четыре года здесь будет город-сад».

Однако одни и те же факты в официальном дискурсе и в восприятии местными людьми получают разную оценку. Для официального дискурса остатки элементов природы показывают скорость роста населенного пункта: город строится настолько быстро, что отдельные элементы природы, необустроенного быта сохраняются. У Маяковского это выражается в строках «вода и под, и над» или «здесь взрывы закупаются в разгон медвежьих банд». То есть теперешняя необустроенность, близость к дикой природе подчеркивает модерность через скорость преобразования пространства. Однако для местных жителей остатки дикой природы — «пни», «брусничник», «морошка» — обозначали, что местность так и не стала жилой. Для них эти неестественные элементы городского пространства как раз указывали на то, что они живут в лесу, а не в деревне и тем более не в городе. В нарративах местных жителей элементы дикой природы фигурируют именно в рассказах о необустроенности (отсутствии дорог, ваннах с грязью перед школой). В них нет, например, мотива соседства современных многоэтажных домов (а речь идет именно о многоэтажном доме, поскольку в цитате упоминается подъезд) и морошки, а только указание на морошку перед домом.

Представления местных жителей постепенно эволюционируют от восприятия поселка исключительно как рабочего пространства в лесу — «базы» в 1950-е, к попытке создать здесь деревенское поселение (перевозка деревенских домов, разбивка огородов) в 1960-е, далее к процессу формирования городского пространства, который в нарративах выглядит недостаточным и незавершенным, и, наконец, к восприятию Сосновки как перевалочного пункта по дороге из деревни в настоящие города и из городов в родовые деревни. Если эту эволюцию взглядов сопоставить с концептами Р. Ольденбурга и М. Оже, то мы увидим попытку трансформации второго места в первое, которая завершилась конструированием образа «не-места».

Сосновка с точки зрения первых жителей была именно вторым местом, что не укладывается в концепцию эволюции Р. Ольденбурга. Поселок с самого начала создавался не по пути города, а шел от второго места к первому. Для тех, кто выбрал поселок лишь как место трудоустройства, он всегда являлся только вторым местом. Для тех же, кто прожил здесь определенную часть своей жизни, оставался очевидным вопрос: а стал ли поселок первым местом? Крестьянская культура большей части приезжих создавала в поселке неразрывное единство первого, второго и третьего мест, таких как — коллективная работа на уборке картофеля и празднование ее окончания. В этой ситуации сама работа очевидно отсылает нас к концепту второго места, труд на собственном участке с привлечением знакомых и членов семьи позволяет видеть в этом процессе элементы «первого места» (дома) или нераздельных первого и второго места, а празднование «с бутылочкой», то есть отдых, показывает, что огород обретал черты третьего места. При этом в большинстве нарративов доминирует именно представление о Сосновке как о рабочем месте, а рассказы о том, как люди обживали его, показывают элемент незавершенности этого процесса.

Незавершенность видна и в нарративах с основным деревенским или крестьянским содержанием и в нарративах 1970–1980-х гг., когда в сознании местных жителей Сосновка однозначно трансформировалась не просто в жилое пространство (первое место), а именно в городское пространство. Однако, как показано на приме-

ре цитаты из интервью, взгляд местных жителей отличает недоверие к дискурсу, обращенному в будущее: «Было <...> дуновение, но быстро прошло». Иными словами, обращенный в будущее официальный дискурс нехотя усваивался местными жителями, но они не могли надолго принять его: бесконечное строительство (постоянный рост поселка) виделся ими скорее как недостаток, а не признак модерности.

Собственно, с начала XXI в. именно вечное строительство, постоянный рост оформился в понимание местными людьми поселка как «не-места», для них поселок представляет собой вечный транзит из деревни в большой город и наоборот. Отдельная категория людей, которая стремится вырваться из сельской среды и перейти к городскому образу жизни, рассматривает Сосновку как временную остановку, ступень для дальнейшего роста, но не как место, где можно себя реализовать в качестве городского жителя. Для людей уже переехавших в большие города — Вологду, Шенкурск, Ярославль — поселок оказывается станцией на пути к родной деревне, даже в том случае если эти люди прожили в городе дольше, чем в деревне. «Не-место» — это промежуток времени для определенной категории людей в определенном возрасте, в определенный период их жизни, некий переходный этап.

Таким образом, ПГТ Сосновка оказывается пространством, где происходит перформативное утверждение «городского» и «сельского». Формально и с точки зрения законодательства, и с точки зрения официального дискурса газетных публикаций поселок никогда не был деревней, относился именно к городскому типу поселений. Однако для местных жителей он был сначала недоустроенной деревней, в которой они пытались воспроизводить свои деревенские практики, потом недоустроенным городом, в котором деревенские практики стали неуместными. Можно сказать, что в 1960–1970-е гг. существовало два взгляда на один и тот же процесс благоустройства территории ПГТ: официальные власти строили городское пространство, а местные жители — сельское. В итоге, как в инфраструктуре городского поселения, так и в ее оценке сложилось представление о непонятном статусе населенного пункта, невозможности дать ему четкую характеристику.

После 2000-х ПГТ имеет достаточно современную инфраструктуру, вполне соответствующую, городским параметрам (центральную площадь, ежегодные праздники, музей, библиотеку, церковь и т. д.), однако для опрошенных проблема городского/сельского стала периферийной. Более того, Сосновский лесокombинат является весьма крупным, по областным меркам предприятием, однако большая часть его работников — вахтовики, прибывающие из других районов области и других регионов России. Таким образом, даже сейчас создание в Сосновке развитой городской среды и привлечение на постоянное жительство работников не является приоритетом для дирекции комбината. Это позволяет предположить, что восприятие Сосновки как «не-места» сохранится в течение длительного времени.

Источники и материалы

ПМА 2014 — Полевые материалы автора. Опрос жителей Архангельской области 2014 г.

ПМА 2021 — Полевые материалы автора. Опрос жителей Архангельской области 2021 г.

Районная газета, год выпуска — Районная газета поселка Сосновка и год выпуска (название зашифровано — Е. Ж.).

Летопись 2016 — Летопись поселка Сосновка, 2016 г. (название зашифровано — Е. Ж.).

Интернет-опрос 2021 — Интернет-опрос жителей Архангельской области 2021 г.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1924 — Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Общее положение о го-

родских и сельских поселениях и поселках». Утвержден 15 сентября 1924 г. (СУ РСФСР, 1924 г., № 73, ст. 726).

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1926 — Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках». Утвержден 27 сентября 1926 года (СУ РСФСР, 1926 г., № 65, ст. 509).

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 1957 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков». Утвержден 12 сентября 1957 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1.

Научная литература

Архипова М. Н., Туторский А. В. Общинные традиции в хозяйстве (как пример бытования традиций в малой группе) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 3. С. 104–115.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

Димке Д. В., Корюхина И. Ю. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества // Социология власти. 2013. № 3. С. 73–93.

Карасева А. И. Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 121–146.

Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 132 с.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Самбурова С. А., Алексеев А. И. Постсоветский райцентр: урбанизация или рурализация? // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 3. С. 144–184. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-3-144-184>

Симагин Ю. А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. 2009а. № 1. С. 20–27.

Симагин Ю. А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009б. 224 с.

Ссорин-Чайков Н. В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81.

Стась И. Н. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 85–132.

Туторский А. В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет: Сборник научных статей, Москва, 11 декабря 2009 года / Ответственный редактор А. А. Никишенков. М.: Издательство Московского государственного университета, 2010. С. 273–293.

Чебоксаров Н. Н. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих // Советская этнография. 1950. № 3. С. 107–122.

Чучкалов А. С., Алексеев А. И. «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 18–34.

Appadurai A. Introduction: Commodities and Politics of Value // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 3–63.

Sokolova A. Invading the Void: Social Time Production as a Developmental Tool in the Late Soviet Periphery // *Canadian Slavonic Papers*. 2023. Vol. 65. No. 1. P. 52–71. <https://doi.org/10.1080/00085006.2023.2167960>

Tutorskiy A. V. What Does it Mean “to Lie” in an “Honest Village”? // *Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines*. 2017. Vol. 48. P. 1–12. <https://doi.org/10.4000/emscat.2937>

References

- Appadurai, A. 1988. Introduction: Commodities and Politics of Value. In *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press. 3–63.
- Arkipova, M. N. and A. V. Tutorskii. 2013. Obshchinnye traditsii v khoziaistve (kak primer bytovaniia traditsii v maloi gruppe) [Community Traditions in the Household (As an Example of the Existence of Traditions in a Small Group)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii* 3: 104–115.
- Augé, M. 2017. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiiu gipermoderna* [Non-places. An Introduction to Supermodernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 132 p.
- Cheboksarov, N. N. 1950. Etnograficheskoe izuchenie kul'tury i byta moskovskikh rabochikh [An Ethnographic Study of the Culture and Everyday Life of Moscow Workers]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 107–122.
- Chuchkalov, A. S. and A. I. Alekseev. 2019. “Novye” sel'skie naselennye punkty — byvshe poselki gorodskogo tipa [“New” Rural Settlements — Former Urban-Type Settlements]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii geograficheskai* 6: 18–34.
- Dimke, D. V. and I. Yu. Koriukhina. 2013. Poselok gorodskogo tipa: vremennye ritmy deurbanizirovannogo soobshchestva [Urban Settlement Type: Temporal Rhythms of De-urbanized Society]. *Sotsiologiya vlasti* 3: 73–93.
- Gromyko, M. M. 1991. *Mir russkoi derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow: Molodaia gvardiia. 446 p.
- Karaseva, A. I. 2018. Razomknutaia modernost': kommunal'naia avariia v sensornom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa [Modernity Unplugged: The Failure of Public Utilities in the Sensory Landscape of the Northern Town]. *Antropologicheskii forum* 38: 121–146.
- Oldenburg, R. 2014. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 456 p.
- Samburova, S. A. and A. I. Alekseev. 2023. Postsovetskii raitsentr: urbanizatsiia ili ruralizatsiia? [Post-Soviet Regional Center: Urbanization or Ruralization?]. *Krest'ianovedenie* 8(3): 144–184. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-3-144-184>
- Simagin, Yu. A. 2009a. Izmenenie roli poselkov gorodskogo tipa v sisteme rasseleniia Rossii na protiazhenii XX veka [Changing the Role of Urban Settlements in the Russian Settlement System During the 20th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: Estestvennye nauki* 1: 20–27.
- Simagin, Yu. A. 2009b. *Poselki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiia seti i osobennosti naseleniia* [Urban-Type Settlements of Russia: The Transformation of the Network and the Features of the Population]. Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia RAN. 224 p.
- Sokolova, A. 2023. Invading the Void: Social Time Production as a Developmental Tool in the Late Soviet Periphery. *Canadian Slavonic Papers* 65(1): 52–71. <https://doi.org/10.1080/00085006.2023.2167960>
- Ssorin-Chaikov, N. V. 2012. Medvezh'ia shkura i makarony: o sotsial'noi zhizni veshchei v sibirskom sovkhoze i performativnosti razlichii dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: On Social Life of Things in a Siberian State Collective, and On the Performativity of Gift and Commodity

- Distinctions]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 13(2): 59–81.
- Stas, I. N. 2022. Urbanizatsiia v umakh: stalinskoe “pravo na gorod”, sovetskaia sub”ektivnost’ i praktiki grazhdanstva v Khanty-Mansiiske [Urbanization in People’s Minds: Stalin’s “Right to the City”, Soviet Subjectivity, and Citizenship Practices in Khanty-Mansiysk]. *Antropologicheskii forum* 52: 85–132.
- Tutorskiy, A. V. 2010. Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoi ekspeditsii kafedry etnografii MGU) [Methods of Collecting and Textualizing Field Material (On the Example of the Northern Expedition of the Department of Ethnography of Moscow State University)]. In *Kafedre etnologii istoricheskogo fakul’teta MGU — 70 let: Sbornik nauchnykh statei, Moskva, 11 dekabria 2009 goda* [70 Anniversary to the Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow State University — 70 years: Collection of Scientific Articles. Moscow. 11 December 2009], ed. by A. A. Nikishenkov. Moscow: Moscow State University Press. 273–293.
- Tutorskiy, A. V. 2017. What Does it Mean “to Lie” in an “Honest Village”? *Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines* 48: 1–12. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-3-144-184>